

УДК 82(091) + 882
ББК 83.3(2 Рос=Рус)1

Светлана Алексеевна Ипатова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, научный сотрудник отдела Новой русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: ipatovas@rambler.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4982-2916>

Фетоведы первой волны: Николай Николаевич Черногубов (1873–1941)

Аннотация. Реконструируется биография Н.Н. Черногубова, литературоведа, коллекционера, искусствоведа, знатока древнерусского искусства, помощника, а затем хранителя Третьяковской галереи (1902–1917); собирателя наследия А.А. Фета, исследователя его жизни и творчества; ключевой фигуры литературно-художественной жизни Серебряного века. В обширный круг личного и эпистолярного общения преданного «фетианца» (термин Б.А. Садовского) входили Вл.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, вел. кн. Константин Константинович (поэт «К.Р.»), Я.П. Полонский, В.Я. Брюсов, владелец издательства «Скорпион» С.А. Поляков, профессор Б.В. Никольский, родоначальник философии «Общего дела» Н.Ф. Федоров, педагог И.М. Иванкин, публицист Ю.П. Бартенев, литератор и коллекционер А.В. Жиркович, художник Л.О. Пастернак, искусствоведы И.С. Остроухов и И.Э. Грабарь, поэт, прозаик, историк литературы Б.А. Садовской и др. – имена, кто так или иначе был связан с Фетом, памятью о нем или увлечен его творчеством. Личные встречи, общение, а также переписка Черногубова со многими из родных и близких обусловлены поисками архивных материалов боготворимого поэта (исследователь собирался издать научную биографию Фета и открыть в Москве музей его имени). На эпистолярном и мемуарном материалах, включая архивные, предпринята попытка не только проследить формирование и судьбу фетовского собрания, но и воссоздать биографию незаурядной личности, одного из «фетышистов» (термин П.П. Перцова) на фоне бурной эпохи.

Ключевые слова: фетоведы «первой волны», эпистолярий, мемуары, издательство «Скорпион», научная биография

Svetlana Alekseevna Ipatova

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Research Fellow of the Department of New Russian Literature, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: ipatovas@rambler.ru

First-Wave Fet Scholars: Nikolai Nikolaevich Chernogubov (1873–1941)

Abstract. This article reconstructs the biography of N.N. Chernogubov – a literary scholar, collector, art historian, specialist in Old Russian art, assistant and later curator of the Tretyakov Gallery (1902–1917); a collector of A.A. Fet's heritage and a researcher of his life and work; and a key figure in the literary and artistic life of the Silver Age. The extensive personal and epistolary network of this devoted “Fetian” (a term coined by B.A. Sadovskoy) included Vl.S. Solovyov, L.N. Tolstoy, Grand Duke Konstantin Konstantinovich (the poet “K.R.”), Ya.P. Polonsky, V.Ya. Bryusov, the owner of the “Scorpio”

publishing house S.A. Polyakov, Professor B.V. Nikolsky, the founder of the “Common Cause” philosophy N.F. Fedorov, educator I.M. Ivakin, publicist Yu.P. Bartenev, writer and collector A.V. Zhirkevich, artist L.O. Pasternak, art historians I.S. Ostroukhov and I.E. Grabar, poet, prose writer, and literary historian B.A. Sadovskoy, among others. These individuals were all connected to Fet in some way, whether through personal ties, efforts to preserve his memory, or a deep appreciation for his work. Chernogubov's personal meetings, interactions, and correspondence with many of Fet's relatives and associates were driven by his search for archival materials related to the poet he revered (the scholar planned to publish a scholarly biography of Fet and establish a museum in his name in Moscow). Drawing on epistolary and memoir sources, including archival materials, this study attempts not only to trace the formation and fate of the Fet collection but also to reconstruct the biography of this remarkable individual, one of the “Fetishists” (a term used by P.P. Pertsov), against the backdrop of a tumultuous era.

Key words: first-wave Fet scholars, epistolary, memoirs, “Scorpio” publishing house, Scientific biography

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.122-149

Внушительный список фетоведов «первой волны», бесспорно, возглавляют имена известных философов Н.Н. Страхова и Вл.С. Соловьева, ближайших друзей и ценителей поэзии Фета, его помощников и корреспондентов, каждый из которых внес свой вклад в науку о поэте. Далее следуют его знакомые и корреспонденты: поэт, прозаик и публицист А.А. Голенищев-Кутузов – автор восторженной рецензии на три выпуска «Вечерних огней» (1888 г.); литератор, собеседник поэта, автор нескольких посмертных статей о нем в «Московских ведомостях» (1893 г.) и «Русском вестнике» (1894 г.) Ю.Н. Говоруха-Отрок. Одним из первых, кто обратился к изучению, систематизации и атрибуции стихотворений Фета был профессор, ученый-правовед, литературовед Б.В. Никольский – составитель и редактор наиболее полного марксовского издания стихотворений Фета в трех томах (СПб., 1901). Список был бы неполным без хрестоматийных для фетоведения имен, среди которых: блестящий знаток биографии и творчества поэта, собиратель его архива Н.Н. Черногубов; литератор В.С. Ильяшенко (псевд. «В.С. Федина»), выпустивший первую биографическую книгу о поэте «А.А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристики» (Пг., 1915); поэт, прозаик, историк литературы Б.А. Садовской, автор многочисленных работ о Фете и книги «Ледоход» (Пг., 1916 г.); библиограф, критик, литературовед Д.С. Дарский, перу которого принадлежит тонкий анализ фетовской поэтики «”Радость земли”. Исследование лирики Фета» (М., 1916 г.); филолог Ю.А. Никольский, автор фундаментальной статьи о полувековой истории отношений двух поэтов «История одной дружбы: Фет и Полонский» (1917 г.), кроме того, готовивший в 1919 г. их обширную переписку в двух томах (издание не состоялось); писатель и филолог Г.П. Блок, автор книги «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета: По неопубликованным материалам» (Л., 1924 г.) и составитель Летописи жизни и творчества поэта, которая в 1930-е гг. готовилась к печати, но появилась на

свет лишь после смерти ученого (Курск, 1985 г.). Некоторые из этих «влюбленных в Фета» исследователей становились предметом изучения, пополнившего науку о поэте новыми материалами¹.

В блестящем созвездии имен Черногубов занимает скромное, но едва ли не первое место и как фетовед отмечен не столько исследовательскими достижениями, сколько своим неоценимым вкладом в дело архивных разысканий наследия поэта и планомерным копировании найденных документов, некоторые из которых оказались утрачены и остаются известны лишь в черногубовских копиях (например, машинописи с правкой исследователя семи писем Фета Соловьеву, автографы которых неизвестны). Современным фетоведам хорошо знаком его бисерный витиеватый трудночитаемый почерк. Следует отметить, что Черногубову и его архиву посвящена информативная статья Г.Д. Аслановой (1999 г.), положившая начало изучению первого фетовского биографа². К настоящему времени выявленные материалы позволяют дополнить и скорректировать имевшиеся ранее сведения как о самом Черногубове, так и о предпринятых им поисках, формировании архива и его судьбе.

Николай Николаевич Черногубов (1873–1941), московский коллекционер, искусствовед, знаток древнерусского искусства; собиратель наследия Фета и исследователь его жизни и творчества. Родился в г. Чухлома Костромской губ., потомственный дворянин, в 1893 г. поступил на филологический ф-т Московского университета (одно время учился вместе с В.Я. Брюсовым, с которым надолго сохранил дружеские отношения), вышел с третьего курса; преподавал в ряде московских училищ и гимназий. С 1902 г. помощник хранителя Третьяковской галереи; в 1913 г. становится главным хранителем и правой рукой И.Э. Грабаря (вплоть до своего отъезда в Харьковскую губ. весной 1917 г.)³. Оставленный до лучших времен в Москве собранный им ценнейший архив Фета в 1924 г. поступил в Ленинскую библиотеку. Погиб исследователь во время немецкой оккупации Киева в октябре 1941 г. Такова краткая канва его жизни.

Началом своих архивных разысканий и научного изучения боготворимого им поэта Черногубов считал середину 1890-х гг. Вплоть до 1917 г. он фанатически собирал материалы – ездил по городам, расспрашивая людей, знавших Фета, изучал архивы, планомерно рассыпал запросы к родственникам и многочисленным его адресатам. Иногда покупал, но чаще выкрашивал автографы и, если требовалось возвратить, оставлял себе копии, что, как оказалось,

¹ См., например: Влюбленные в Фета: Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому (1921–1922) / вступ. ст., comment. и публ. С.В. Шумихина // Наше наследие. 2007. № 83/84. С. 84–111; 2008. № 85. С. 76–114 [1]; Ипатова С.А. Б.А. Садовской о Фете, или Как не состоялась книга «А.А. Фет. Жизнь и творения» (1913) // А.А. Фет: Материалы и исследования. К 200-летию со дня рождения поэта (1820–2020). IV / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. СПб.: Росток, 2021. Вып. 4. С. 146–185 [2].

² См.: Асланова Г.Д. Роковое фетианство // Наше наследие. 1999. № 49. С. 55–59 [3].

³ Биография Черногубова полна лакун и неясностей, поэтому большой удачей оказалась находка его личного дела периода сотрудничества в Третьяковской галерее, помеченного 1913 г. (ЦГАМ. Ф. 179 (Московская городская управа). Оп. 37. № 2025 [4]).

не лишено было смысла, поскольку, повторим, подлинники некоторых из них оказались впоследствии утраченными. Собранный в короткий срок богатейший материал, включая всю прижизненную иконографию, Черногубов называл музеем и неоднократно упоминал о своем желании основать в Москве музей памяти Фета, а также написать его научную биографию. О конечной цели своих поисков Черногубов признавался 31 октября 1901 г. своему знакомому, управляющему делами вел. кн. Константина Константиновича («К.Р.») П.Е. Кеппену: «Мой план – постепенно расширяя свой музей – захватить в него и Тургенева, и Толстого, и др., чтобы было куда уйти и от “забастовок”, и от “реформ” – в то истинное “отечествоведение”, которое, конечно, не уместится в грошевые книжонки» [5, л. 10 об.].

После смерти Фета в 1892 г. и его вдовы († 1894) архив, хранившийся в имении Воробьевка (Курская губ.), отошел племянникам жены (в девичестве Боткиной) Сергею и Петру Боткиным. Е.В. Федорова (по мужу Кудрявцева), последние шесть лет жизни поэта исполнявшая обязанности его секретаря, после смерти вдовы сообщала 14 апреля <1894 г.> дочери Я.П. Полонского Наталье Яковлевне: «Относительно писем Якова Петровича скажу, что они все спрятаны в Воробьевке, и разобраны мною прошлым летом в хронологическом порядке. Воробьевка достается Боткиным Петру и Сергею, а следовательно, и все, что в ней есть, – им же. Как они распорядятся со всей перепиской Аф_{ана}сия Аф_{ана}сьевича, – не знаю. Взять же у них эти письма – не имею права. Вы бы могли лично обратиться к ним с этой просьбой» [6, л. 2–2 об.]. Позднее, посетив фетовское имение в конце июля 1894 г., Федорова написала 21 сентября литератору, коллекционеру автографов и корреспонденту Фета А.В. Жиркевичу: «Милая моя Воробьевка! <...> Грустно, что теперь Воробьевка опустела, и едва ли кто-нибудь в ней будет жить! Грустно! Грустно! Книги и бумаги Аф_{ана}сия Аф_{ана}сьевича, письма все в Воробьевке, пока остались там, как были. Да и едва ли будут разбираться. Если бы это досталось людям, любящим поэзию, интересующимся, – но, к несчастию, надо признаться, что наследники Воробьевки мало развиты, поэзии даже вовсе не любят, Афан_{асия} Афан_{асьевича} едва ли понимали. Да и некогда им этим заниматься. Жаль, что они не передадут все эти бумаги кому-нибудь интересующемуся этим» [7, с. 28].

Неизвестны переговоры Черногубова с наследниками, сыновьями Дмитрия Петровича Боткина († 1889), родного брата жены Фета Марии Петровны, по завещанию получивших в собственность Воробьевку и все ее содержимое; неизвестны и условия, на которых значительная часть воробьевского архива была передана сумевшему их впечатлить начинающему исследователю, скорее всего, безвозмездно, поскольку едва ли вчерашний студент располагал достаточными средствами на покупку бесценных бумаг Фета, весом 15 пудов (приблизительно 250 кг. – С.И.). Именно этот массив станет впоследствии ядром фетовского собрания, поступившего в 1924 г. в отдел рукописей Ленинской библиотеки

(бывш. Румянцевский музей; ныне НИОР РГБ), образовав личный фонд 315. Говоря о начальном составе черногубовской коллекции, следует упомянуть и о судейских делах мирового судьи Фета, которые исследователь вывез из мценского архива. Это 57 папок разбиравшихся им гражданских и уголовных дел на протяжении 10 лет с 1867 по 1876 г., а также дел по апелляциям⁴.

Поиски фетовских рукописей сопровождались всесторонним изучением биографии и творчества поэта; об уровне его познаний говорит тот факт, что исследователь был привлечен в качестве консультанта к подготовке первого «Полного собрания стихотворений А.А. Фета» (1901 г.), предпринятого авторитетным фетоведом, петербургским профессором римского права Б.В. Никольским⁵. В редакторском предисловии, поблагодарив Черногубова за «многие ценные указания», Никольский упомянул, что тот собирался или уже писал биографию поэта; от него «наша литература вправе ожидать образцовой биографии Фета, беспримерной по богатству материалов, их тщательному и полному изучению и совершенно исключительной любви составителя к поставленной себе задаче» [10, с. VI–VII]. Местонахождение текста фетовской биографии, составленной исследователем (в каком бы то ни было виде), неизвестно. В дневнике под датой «27 августа» 1900 г. Никольский оставил следующую запись с проницательной характеристикой Черногубова, которого маститый ученый поддерживал и на которого как фетовед имел влияние: «Показал ему в корректуре мой комплимент ему в редакторском предисловии. Развивал свою мысль о том, что Фет и Толстой разомкнувшиеся полюсы того тока, который просиял в Пушкине. Показал, что весь Толстой ни слова не прибавил к “Однажды странствуя среди долины дикой” («Странник» Пушкина; 1835. – С.И.). Словом, развивал свою теорию Фета. Вообще, я Черногубова поддерживаю: это человек, в котором Фет если не оживет, то не умрет. Это посмертный Босвель Фета⁶. Хотя глуповат он во многом кроме Фета. Его ум ужален Фетом. Он все видит около этого центра. Я даже влюбленных таких не видывал. Мне кажется, он готов по-персидски учиться, чтобы оценить переводы Фетом Гафиза с немецкого. И влюбленный видит в любимом все совершенства, а Черногубов докапывается до самых отрицательных данных – и радуется им, точно подвигам. Ему нужна достоверность, он ей радуется. Вывез из Воробьевки 15 пуд^{<ов>} рукописей» [11, с. 414–415]. Из неопубликованной

⁴ См.: Родионова А.Е. Документальное наследие А.А. Фета в фондах отдела рукописей РГБ: история поступления документов, структура личного архивного фонда, археографический обзор // «Я к наслаждению высокому зову» (Фетовские чтения в Воробьевке): мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. 12–14 июля 2024 года. Курск: Изд. КГПУ, 2024. С. 5–6 [8].

⁵ См.: Иванова Е.В., Шумихин С.В. Никольский Борис Владимирович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Изд. Большая Росс. Энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 321–323 [9].

⁶ Шотландский писатель и мемуарист Дж. Босуэлл (Boswell), автор двухтомной биографии «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1791 г.), построенной на диалогах и подробном описании личных качеств поэта, знаменитого критика и лексикографа С. Джонсона.

переписки Никольского с Черногубовым периода подготовки издания более детально выясняется мера участия последнего в этом процессе. 14 января 1900 г. Никольский из Петербурга благодарит исследователя «за любезную присылку стихотворений»; прилагает копию с неизвестного на тот момент фетовского перевождения молитвы «Отче наш» и добавляет: «Ваши поправки к статье Страхова очень ценные. Не прислать ли Вам ее в корректуре, когда она будет набрана? Очень бы обязали и меня, и всех будущих читателей Фета, если бы просмотрели ее в гранках» [12, л. 8–8 об.], а 5 мая 1900 г. добавляет: «Прилагаю полное оглавление всех 3-х томов стихотворений Фета. Корректуру пришлю, как только получу сам набор биографии Фета. – Искренне благодарен Вам … за стихотворения; но они мне были известны по рукописям автора и вошли в издание» [12, л. 5].

Черногубов ответил статьей «К хронологии стихов Фета», опубликованной в «Северных цветах на 1902 г.»: «… благодарю Б.В. Никольского за любезные обо мне строки в его предисловии, но считаю себя вправе свободно отнести к его редакторскому труду» [13, с. 215]. И далее на десяти страницах он приводит многочисленные недостающие в издании библиографические справки, а также исправляет «погрешности» в датировках, биографических материалах и отмечает прочие недочеты, обнаруживая глубокие познания в истории издания фетовских текстов, не всегда, впрочем, бесспорные.

Итак, Черногубов с разрешения наследников предположительно в 1895–1896 гг. вывез архив Фета из его курского имения Воробьевка, по материалам которого опубликовал две статьи: «Происхождение А.А. Фета» (1900 г.)⁷ и «К хронологии стихов Фета» (1902 г.) – расширенную рецензию на вышедшее издание Собрания стихотворений поэта. Кроме того, сделал ряд публикаций в двух символистских альманахах «Северные цветы» (на 1901 и 1902 гг.), а именно: неизвестные стихотворения Фета; семнадцать писем Вл. Соловьева к поэту (1881–1892 гг.) и два его же к Марии Петровне; записка Н.А. Некрасова к Фету (1857 г.); фрагмент фетовской статьи «Где первоначальный источник нашего нигилизма»; а также в журнале «Русское обозрение» (1901 г.): несколько неизданных стихотворений поэта; два письма Тургенева Фету (1867 г., 1878 г.); одно – Л. Толстого (1873 г.); выборочные письма из переписки Фета и Страхова (1877–1879 гг.), обширное письмо Вл. Соловьева поэту (1892 г.); не воспроизведившееся ранее «Послесловие А. Фета к его переводу А. Шопенгауэра»⁸. К сожалению, большинство перечисленных публикаций не снабжены необходимым текстологическим и реальным комментариями.

До сих пор остаются неопубликованными несколько статей Черногубова (скорее, подготовительных материалов к статьям в виде набросков), посвященных поэту: «О пребывании Фета в Московском ун-те»; «Об издании Фетом сборника своих стихотворений в Москве в 1850 г.»; «Переписка Фета с Тургеневым»;

⁷ См.: Черногубов Н.Н. Происхождение А.А. Фета // Русский архив. 1900. Т. 38, № 8. С. 523–536 [14].

⁸ См.: Послесловие А. Фета к его переводу А. Шопенгауэра / сообщ. Н.Н. Черногубов // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 274–280 [15].

«О поэме Фета “Две липки”»; «О поэме Фета “Студент”». По каким-то причинам эти материалы не были доработаны. Известно, что в 1909 г. Черногубов намеревался целиком в виде отдельной книги выпустить в издательстве «Мусагет» письма Фета Страхову. Об этом, обсуждая портфель редакции, сообщает Андрей Белый Э. Метнеру 31 августа (13 сентября) 1909 г: «...ненапечатанные письма Фета Страхову (где есть отзывы о поэтах, писателях) обещается дать Черногубов – первый знаток Фета и всяческий коллекционер редкостей» [16, с. 676], а позднее, около 10 (23) сентября, добавляет: «Полезный друг (Б. Садовской. – С.И.) привел к нам Черногубова (специалиста по архивам ценностей культуры)» [16, с. 717]⁹. Неисключено, что письма Фета Страхову были получены Черногубовым от проживавших на Украине наследников – племянницы философа и ее мужа И.П. Матченко, с которым он состоял в переписке с 1900 по 1903 г.

В.Я. Брюсов, побывав у Черногубова в апреле 1900 г., в восхищении описал его архив: «Материалы, собранные им о Фете, бесконечны: полторы тысячи подлинных писем, несколько нигде не напечатанных стихотворений, много стихов, не вошедших ни в одно из изданий, да 10 приблизительно папок с вырезками из журналов старых и новых о Фете... Кроме всего этого, все издания Фета, подписанные и анонимные... Еще почти такой же подбор материалов о Ап. Григорьеве и многое, очень многое о Тургеневе» [18, с. 101]¹⁰. Еще об одном раритете Брюсов упоминает в дневнике под датой «Май <1900>»: «Видаюсь с Черногубовым. Получил он от Сементковского (Семенковича? – С.И.) корректуру изд<ания> <18>94 г. с пометками и надписями Страхова и К.Р.» [18, с. 103]¹¹.

Насколько высоко Брюсов оценивал фетоведческие познания Черногубова, а также свои с ним дружеские отношения, подтверждает тот факт, что 7 января 1903 г., в день, когда состоялся знаменитый доклад Брюсова о Фете по случаю 10-летия со дня смерти поэта, он послал ему приглашение: «Сегодня я таки читаю о Фете. Приходите, будет много разговоров. Едва ли это не первое публичное о Фете прение. Начало в 9 Адрес: Тверская, д. Елисеева. Литер<атурно>-худож<ественный> кружок. Ваш Валерий Брюсов» [20, л. 23]. Вероятно, Черногубов был на этом знакомом для символистов чтении, осознавая себя частью происходящего процесса перелома в отношении к наследию своего кумира, за которым к концу XIX в. в среде символистов закрепляется восторженное представление как об учителе: «...мы, “начинающие”, – вспоминал критик и поэт П.П. Перцов, – сознательно считали себя “фетышистами” и исповедовали “магометанский” тезис» Тургенева: «“Нет Фета, кроме Фета”» [21, с. 97]. На материале стихотворений поэта Брюсов, выступая на вечере, стремился до-

⁹ См. также: Из переписки <Фета и Страхова>; (1877–1879) // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 71–101 (имя Черногубова не указано) [17].

¹⁰ См. об этом также: Молодяков В. Мой Брюсов: Публикации. Статьи. Собрание. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. С. 205–206 [19].

¹¹ Скорее всего, имелся в виду В.Н. Семенкович, этнограф, публицист, родственник Фета и распорядитель его литературного наследия; Черногубов с 1897 г. состоял с ним в дружеской переписке.

казать, что идеи символизма существовали в русской поэзии до его возникновения и связывал представления о новом искусстве с Фетом как его предтечей. Обстоятельства этого вечера были описаны самим Брюсовым в статье «Фетовский вечер и фетовский скандал»¹², а положения доклада он развил в статье «А.А. Фет. Искусство или жизнь» (1903 г.)¹³. На чтении возникла скандальная полемика, развернувшаяся следом на страницах нескольких изданий, в которой оппоненты докладчика перешли в своих аргументах против «нового искусства» с обсуждения поэзии Фета на якобы неприглядные стороны его личности (ретроград-крепостник, эпикуреец, плохой поэт и пр.)¹⁴.

Черногубов не только предоставлял свои материалы для публикаций, но и не считал зазорным продавать автографы различным издательствам («Весы», «Северные цветы», «Русский архив», «Скорпион»). 23 мая 1900 г. Брюсов отметил в дневнике: «Черногубов разошелся с “Русским архивом”, вероятно, запротестовал слишком дорого» [18, с. 103]; под датой «Конец сентября» того же года в связи с альманахом «Северные цветы» он добавляет: «Покупали у Черногубова разные бумаги. Но он дорожился. За стихи Фета просит 35 р. за 8 строк, за записку Пушкина 50 р.» [там же, с. 108]. В договоре по сделке на первый сборник значилось: «Я, Николай Николаевич Черногубов, уступил книгоиздательству “Скорпион” для напечатания … следующие вещи: 1) Записку А.С. Пушкина к А.А. Муханову февраля 1827 г. за 50 рубл<ей> (пятьдесят); 2) Два стихотворения А.А. Фета “Твоей приветливой щедротой” («Михаилу Хрущеву». – С.И.) и “Рододендрон”, неизданные, за шестьдесят рубл<ей>, а именно первое за 35 р<ублей>, а второе за 25 р<ублей>; 3) Двадцать пять писем Вл.С. Соловьева к А.А. и М.П. Фетам с платой по 100 р<ублей> за печатный лист (38 000 букв); уплата должна производиться за все двадцать пять писем, хотя бы напечатаны они были не все. Представитель книгоиздательства “Скорпион” Валерий Брюсов. 28 января 1901 года» [25, с. 63; сверено по автографу]. Оба стихотворения Фета и подборка из 19 писем Соловьева были опубликованы в альманахе «Северные цветы на 1901 год»¹⁵, что было приурочено к годовщинам смерти Соловьева († 1900) и предстоящему первому юбилею со дня смерти поэта († 1892).

Ко второму сборнику «Северные цветы» Брюсовым также был составлен договор: «Я, представитель книгоиздательства “Скорпион”, купил у Николая Николаевича Черногубова 1) 9 листочеков отрывков из Тургеневских писем, не

¹² Брюсов В.Я. Фетовский вечер и фетовский скандал // Новый путь. 1903. № 2. С. 188–192 [22].

¹³ Брюсов В. А.А. Фет. Искусство или жизнь // Брюсов В. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М.: Книгоизд. «Скорпион», 1912. С. 18–26 [23].

¹⁴ См.: Ходасевич В. Московский литературно-художественный кружок // Воспоминания о Серебряном веке / сост., предисл. и comment. В. Крейда. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 389–390 [24].

¹⁵ Письма Владимира Соловьева к А.А. Фету // Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1901. С. 146–159 [26]. В тот же год Черногубов опубликовал еще одно письмо Соловьева Фету (от 15 июля 1892 г.) (см.: Письмо Вл. Соловьева <к Фету от 15 июля 1892 г.> // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 104–106 [27]).

напечатанных доселе, от 1859 по 1873 г. (письма Тургенева уже были напечатаны в «Моих воспоминаниях» Фета с некоторыми изменениями [46]; редакция восстановила тексты по автографам. – С.И.). 2) Стихотворение А. Фета “Перекладывают тройки”. 3) Стихотворение его же “Не толкуй об обезьяне” («Петру Ивановичу Борисову». – С.И.). 4) Отрывок о школах и университете из статьи А. Фета “Где источник”¹⁶. 5) Записка Некрасова Н.Ал. к А. Фету. 6) Стихотворение Я.П. Полонского “На Воробьевском флигеле”. Все сие, нигде не напечатанное, продано за двести рублей. 27 октября 1901 года Валерий Яковлевич Брюсов» [29, с. 63–64]. «Ник. Ник. Черногубов, вечный, – сообщал Брюсов издателю С.А. Полякову 29 июля 1902 г., – предлагает Вам такую сделку: отдает для Северных Цв^{<етов>} <1>903 года вновь им отысканное стихотворение Фета (надо будет, конечно, убедиться, не подложное ли ...)» [30, с. 63]. О каком стихотворении идет речь, сказать трудно – в альманахе на 1903 год никакие фетовские материалы не печатались.

С родоначальником философии «Общего дела» Н.Ф. Федоровым Черногубов познакомился в стенах Румянцевской библиотеки, вероятно, во второй половине 1890-х гг. И.М. Ивакин 27 апреля 1899 г. обратился к Федорову с просьбой помочь устроить бедствующего Черногубова по цензурному ведомству¹⁷; неизвестно, принял ли участие известный философ в судьбе молодого исследователя, которому он уже был, вероятно, представлен. Б.В. Никольский, описывая в дневнике (7 ноября 1898 г.) «сочувственное» отношение вел. кн. Константина Константиновича («К.Р.») к Черногубову, сообщает, что «ему лично в этом молодом человеке особенно симпатична и его замечательная скромность: ему известно, что Черногубову предлагали должность в Румянцевском музее, но Черногубов отказался, считая себя недостойным этой должности» [11, с. 227]. Так ли было на самом деле, неизвестно. Подробности знакомства фетоведа с Федоровым описывает со слов самого Черногубова издательница Н.И. Дорофеева в письме к литератору И.П. Брихничёву от первой половины 1913 г.: «Познакомился я, говорит (Черногубов. – С.И.), с Н^{<иколаем>} Ф^{<едоровичем>} вот при каких обстоятельствах. Я очень увлекался Фетом-Шеншиным, потратил почти 6 лет на собирание сведений из его биографии, разных фактов и пр^{<очих>} данных, ездил по разным городам, где был Фет, и работал в Рум^{<янцевском>} Музее, – Федоров заметил, с каким рвением я стараюсь воспроизвести все, что касается умершего Фета, понравилось ему это, и тут завязалось это знакомство. Интересовался Николай Федор^{<ович>} незаконнорожденностью Фета ..., относился к

¹⁶ Речь идет о небольшом фрагменте статьи Фета «Где первоначальный источник нашего нигилизма» (1882 г.), затрагивающем проблему образования (см.: Деревенский житель (А. Фет). Где первоначальный источник нашего нигилизма // Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. С. 191–193 [28]).

¹⁷ См.: Письмо И.М. Ивакина к Н.Ф. Федорову от 27 апреля 1899 г. // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. / сост., подгот. текста, примеч. А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновой. Т. 4. М.: Изд. Evidentis, 2005. С. 651–652 [31].

этому факту с участием, т^{ак} к^{ак} и сам он незаконнорожденный – он сын одного из кн. Гагариных и, кажется, крестьянки». / Всю «жизнь, говорит Черногубов, я смотрел на Ник^{олая} Фед^{оровича} с раскрытым ртом . . . / Всех, всякого считал своим врагом, кто не соглашался с ним <...>. Очень был нетерпимый, страшно подозрительный, невозможный, больше двух дней трудно было ужиться с ним... Не был он тихим философом, это был гневный пророк...»; в «последнее время не мог переносить Толстого, сжимал кулаки, с пеной у рта ругательски ругался ... лицемер» [32, с. 190–191].

Фет был знаком с Федоровым (вероятно, с осени 1881 г.), интенсивно общался с ним как в доме Л.Н. Толстого, так и в библиотеке Румянцевского музея. Одним из источников содержания этого общения являются воспоминания И.М. Ивакина, помогавшего Фету в 1887 г. в редактировании перевода «Элегий» Проперция¹⁸. Сохранились два письма Фета, адресованные Федорову (1887 г., 1892 г.). Согласно комментарию А.Г. Гачевой к письму от 6 декабря 1887 г., «А.А. Фет принадлежал к числу тех лиц из окружения Н.Ф. Федорова, которые были знакомы с его идеями. В заметке “Небольшой эпизод в истории Москвы 1892 г. или колоссальный проект” Н.Ф. Федоров указывает на то, что А.А. Фет “принимал некоторое участие” (правда “непрямо”) в учении о воскресении, однако что именно имеется в виду – знакомство с учением или его распространение, установить трудно, не имея дополнительных данных. Вопрос о том, насколько понимал и принимал Фет идеи Федорова, остается открытым. <...> ... в стихах позднего Фета есть интонации, роднящие его с Федоровым» [34, с. 524].

Весной 1902 г. Черногубов предложил Федорову опубликовать однотомник его сочинений (*Opera omnia*) в издательстве «Скорпион», выступая в качестве посредника. Философ относился к фетоведу двойственno: с одной стороны, ценил его стремление воскресить память о поэте, с другой – не доверял, вероятно подозревая, что тот собирался издавать его наследие не бескорыстно. Черногубов приложил немало усилий, чтобы осуществить публикацию сочинений философа, – занимался перепиской его работ, искал деньги на издание (так, он признавался Ивакину, что затраты брал на себя вел. кн. Константин Константинович, с которым фетовед был знаком). Проект не состоялся. Неисключено, спрашивает А.Г. Гачева, что черновик работы Федорова – проповедь «Беседа в храме кадетского корпуса по поводу циркуляра 12 августа о сокращении вооружений», написанной в 1898 г., то есть через шесть лет после смерти Фета, оказался в архиве поэта через Черногубова, готовившего издание работ философа¹⁹. После смерти Федорова, последовавшей 15 декабря 1903 г., издатель

¹⁸ См.: Из «Записок» И.М. Ивакина / публ. и comment. Т.Г. Никифоровой // Октябрь. 1996. № 9. С. 148–157 [33].

¹⁹ См.: Письма Н.Ф. Федорову разных лиц // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Дополнения. Комментарии к четвертому тому / сост. и подгот. текста А.Г. Гачевой; comment. А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновой. М.: Традиция, 2000. С. 525 (примеч. 14 к письму Фета Федорову от 6 декабря 1887 г.) [34].

«Весов» С.А. Поляков через Брюсова заказал именно ему поминальную заметку о «Старце» для первого номера «Весов»²⁰.

Вернемся к письму Дорофеевой. В Соловьеве Черногубов, знакомый с ним лично, видел «талантливого приват-доцента», и только, считая, что успех его про-исходил «не от его философии», а всецело от кокетства со всеми: «он снимался всегда красивым, делал красивую прическу», усы и бороду, «был очень изящный»; он «обильно пересыпал свою речь “крепкими выражениями” – за что дамы особенно его любили...». Далее в письме Дорофеевой читаем: «Однажды я, говорит Черногубов, поехал к Фету (так! – С.И.), чтобы взять переписку из стола Соловьева с Фетом – Соловьев дал ключ, это спустя 7 лет после смерти Фета... Открываю стол и о, изумление! целая груда женских писем к Соловьеву <...> он не был ученик Федорова – с его учением он флиртовал, к[<]ак[>] с многими другими» [32, с. 192–193]. Скорее всего, в письме описка или опечатка, и на самом деле следует читать: «поехал к Соловьеву, чтобы взять переписку».

Деятельности Черногубова в качестве искусствоведа и хранителя Третьяковской галереи в настоящем исследовании мы не рассматриваем, но, поскольку некоторые характеристики помогают воссоздать наружность (поиски его фотографии оказались безуспешными) и психологический портрет неординарной личности, приведем некоторые из них. Искусствовед П.П. Муратов вспоминал: «Это был странный человек! ... одевался он в черное, неумело как-то и не европейски, сложения был сухого, роста среднего У него была очень круглая голова и лицо круглое, несколько кошачье, и кошачье тоже было нечто и в усах его, и в глазах светлых, но непроницаемых. Ходил тихо и неслышно» [37, с. 359–361]; ругал передвижников, отражавших «общественные тенденции». Художник и коллекционер князь С.А. Щербатов полагал, что собираанию икон, ставшему целью и содержанием жизни, Остроухов был полностью обязан Черногубову, «грязно одетому», со «злыми хитрыми и умными глазами, всегда возбужденными, пристально, подчас вкрадчиво смотрящими, сильно картиавящему на особом старинно-русском языке (не без нарочитости)»; этот «ловкий, хитрый и подобострастный» человек являлся «ценнейшим наставником и руководителем Остроухова»²¹.

²⁰ Н. [Черногубов Н.Н.]. Николай Федорович Федоров // Весы. 1904. № 1. С. 54 [35]. Кроме того, Черногубов оставил небольшие воспоминания о Федорове, целиком воспроизведенные в: Письма <Н.Ф. Федорова> // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Дополнения. Комментарии к четвертому тому / сост. и подгот. текста А.Г. Гачевой; comment. А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновой. М.: Традиция, 2000. С. 428–429 (примеч. к письму Федорова Черногубову от 22 августа 1903 г.) [34]. См. также: Гачева А.Г. В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: Вопрос о смысле и целях искусства. Статья вторая: по страницам журнала «Весы» // Соловьевские исследования. 2024. Вып. 2(82). С. 46–47 [36].

²¹ См.: Щербатов С., князь. Художник в ушедшей России / вступ. ст. В. Нехотина. М.: XXI век – Согласие, 2000. С. 228–237 [38].

На фоне многочисленных не очень доброжелательных отзывов о Черногубове (П.П. Муратов, С.А. Щербатов, М.В. Нестеров и др.) следует привести восторженную характеристику, данную И.Э. Грабарем, живописцем, искусствоведом и попечителем Третьяковской галереи (с 1913 г.). Вспоминая своего сослуживца, он писал: «Николай Николаевич Черногубов был человек особенный, не на каждом шагу встречающийся, и в истории Третьяковской галереи ему должно быть отведено видное место. Блестяще одаренный, наделенный острым, едким умом, он не щадил никого из своих многочисленных недоброжелателей и завистников. А их было много. В самом деле, Черногубов сделал в каких-нибудь пять-шесть лет поистине головокружительную карьеру, не дававшую многим покоя. / Молодым учителем одной из московских гимназий он пришел к Остроухову, бывшему по жене в родстве с Фетом, для пополнения своих материалов по биографии и творчеству поэта, которого специально изучал <...> Остроухов полюбил его, постоянно приглашая к себе, и предложил ему в конце концов место помощника хранителя Галереи <...> был одним из первых, серьезно заинтересовавшихся древнерусской иконой и оценивших ее художественное значение. <...> ... в вопросах искусства, в деле распознания подлинников от подделок, в вопросах художественной оценки – о материальной и говорить нечего – он разбирался, как немногие в тогдашней России. <...> С этим драгоценным человеком, источником всяких знаний и огромного опыта, судьба свела меня для проведения обширных работ по реорганизации Третьяковской галереи ...» [39, с. 248–253].

Неожиданное свидетельство о том, что Черногубов был знаком с Фетом и чуть ли не дружен с ним, – не имеющее, однако, под собой никакого документального подтверждения, – содержится в тех же воспоминаниях Грабаря: якобы заручившись рекомендацией Остроухова, Черногубов задался целью добить сведения о происхождении Фета, «что ему блестяще удалось», он «поехал к нелюдимому Фету в его имение, сумел сискать его полное доверие и прожил там целое лето. Бедный старик не подозревал, с какой целью проживал у него этот милый, славный Николай Николаевич, с таким приятным, вкрадчивым голосом, пушистыми русыми усами и каскадом острот». Он бывал у Фета еще не раз, был даже в день его смерти и присутствовал на похоронах», сумел достать из гроба «таинственный конверт» с письмом матери поэта, надписанный «Вскрыть после моей смерти», и таким образом узнать разгадку: «Фет не был Шеншином»²². Эту фантастическую версию Грабарь излагает, возможно, со слов Черногубова, склонного к отнюдь не безобидным фантазиям. Версия со вскрытием фетовского гроба упорно циркулировала в литературной среде²³.

Поэт, критик, фетовед Борис Садовской познакомился с Черногубовым

²² См.: Грабарь И.Э. Моя жизнь: автомонография. Этюды о художниках / сост., вступ. ст. и коммент. В.М. Володарского. М.: Республика. 2001. С. 249.

²³ См.: Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: в 3 т. Т. 1 / вступ. ст. Б.М. Сарнова. М.: Сов. писатель, 1990. С. 53 [40].

на журфиксах у Брюсова в ноябре 1903 г. и на первых порах атtestовал его как «поджарого фетианца»²⁴. Позднее, когда они близко сошлись на почве интереса к поэту, он рекомендовал его издательству «Мусагет» как специалиста по Фету. Садовской оставил описание архива, каким он увидел его в 1911 г.: «Николай Николаевич Черногубов жил на Мало-Царицынской, близ Новодевичьего монастыря. <...> Родом он был из дворян и жил в Москве одиноко с матерью»; квартира Черногубова состояла «из трех комнат; в первой, приемной, с полу до потолка портреты Фета, всех возрастов и эпох, в углу его же гипсовый бюст, работы Ж.А. Полонской. Другой поменьше, сделанный Досекиным, на старом бюро»; тут же маски Пушкина, Гоголя (первый снимок от наследников скульптора Рамазанова, дивный по сходству) и Н.Ф. Федорова»; в «столах и шкафах рукописи Фета, портфели и судебные дела его в синих казенных обложках. Всюду старые картины, иконы, целый шкаф с фарфором»²⁵. Об увиденной коллекции более предметно Садовской писал в Петроград начинающему фетоведу Г.П. Блоку, вероятно, в марте 1921 г. (письмо не сохранилось), который отвечал 7 апреля 1921 г.: «То, что Вы сообщаете о составе черногубовской коллекции *te fait venir l'eau à la bouche* (*франц.* от этого у меня слюнки текут). Я знал, что у него много, но о таких сокровищах, как письма Елены Лариной (Марии Лазич. – *C.I.*), переписка с М[<]арией[>] П[<]етровной[>], письма Соловьеву, портреты и черновые рукописи, я не подозревал» [1, № 83/84, с. 92]; и далее, перечисляя свои архивные находки, добавляет, что это «все, что осталось от Фетовского архива после “разборки” его Черногубовым».

Садовской дает любопытный портрет фетоведа: «Сухощавый, темно-русый, в усах, он походил не то на переодевшегося черта, не то на хорошего английского пойнтера. Нечто чертовское и костлявое в нем действительно было, особенно когда надевал он котелок. Черногубов кончил Костромскую гимназию, был филологом Московского университета вместе с Брюсовым и вышел с третьего курса. Говорил с явственным костромским акцентом, ... при обширном уме ... духовно был очень беден и, конечно, страдал от этого. Фетом, вещами и картинами пытался он заполнить роковую пустоту. В душе ничему не верил и ничего не любил. Культ Фета некогда пылал в Черногубове ярким пламенем. Еще юношей обхажал он все фетовские места, жил там, долго бредил Фетом как полоумный. На любви к Фету мы с ним и сошлись; этой веревочкой – Фетом – воистину связал нас сам черт» [41, с. 168–169].

Итак, собирать фетовский архив Черногубов начал в середине 1890-х гг., рассыпая письма к родственникам, друзьям и знакомым, корреспондентам поэта с просьбой позволить ознакомиться и если не отдать, то скопировать их, как он объяснял, для научной работы и фетовского музея в Москве. О размахе поисков

²⁴ См.: Садовской Б. Записки (1881–1916) / публ. С.В. Шумихина // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 1. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1991. С. 151 [41].

²⁵ Там же. С. 168–169.

говорит его обширная переписка. Приведем примеры. После смерти Я.П. Полонского († 1898), с которым исследователь состоял в переписке, 31 мая 1900 г. он обращается к его сыну Александру Яковлевичу: «Простите, что я напоминаю Вам Ваше обещание известить меня, где находится переписка Вашего отца с Аф_{<анасией>} Аф_{<анасьевичем>} Фетом. / Было бы чрезвычайно любопытно познакомиться с этой перепиской, так как П.Д. Боткин говорил мне, что отдал Вам и ответные письма Якова Петровича» [42, л. 1]. Черногубову удается познакомиться с вел. кн. Константином Константиновичем (поэтом «К.Р.») и скопировать его переписку с Фетом. 31 октября 1901 г. он сообщает П.Е. Кеппену: «... с каким восторгом смотрю я и на возможность свиданья с Его Высочеством, ... дерзаю напомнить о милостивом обещании ... прислать мне фотографию с картины Я.П. Полонского (А. Фет на балконе), которая висит в библиотеке Его Высочества» [5, л. 10 об.]. И добавляет: «Н.В. Досекин продолжает пополнять мой музей». «Милостивый Государь Николай Николаевич, – отвечает 8 января <1900 г.?> Е.И. Баратынская, корреспондентка Фета. – <...> Что касается писем Афанасия Афанасьевича, я пересмотрю их при первой возможности, и, что мне покажется общеподобным, передам Вам, насколько помню, мои письма от него все более или менее личные. Надеюсь, что Вы мне пришлете то, что у Вас будет напечатано об Афанасии Афанасьевиче и надеюсь как-нибудь побывать у Вас, чтобы взглянуть на его портреты» [43, л. 1]²⁶. Брюсов открыткой из Венеции информирует Черногубова 5(17) мая 1903 г.: «Привет! Здесь никаких следов Фета, но много магазинов старых книг и старинных вещей. Переводов Фета поищу» [44, л. 17]. 15 августа 1903 г. Черногубов напоминает Остроухову, отдыхающему во Франции: «Совестно надеяться, но все же решаюсь попросить Вас, когда будете в Париже, попробовать опять похлопотать насчет получения от г-жи Виардо или г-на Гальперина-Каменского – фетовских к Тургеневу писем или копии с них, или, наконец, хоть каких-н-и>б_{<удь>} о них сведений» [45, л. 2 об.].

Интересным оказался эпизод посещения Черногубовым Ясной Поляны. 7 июня 1900 г. исследователь обратился к Софье Андреевне с просьбой разрешить ознакомиться с письмами Фета, имеющимися в семейном архиве: «Ваше Сиятельство, Я занимаюсь собиранием и обработкой материалов для биографии Аф_{<анасия>} Аф_{<анасьевича>} Шеншина. Кроме большого печатного материала мною собрано до 500 (в копиях) не напечатанных еще писем. Хотелось бы ознакомиться и с имеющимися у Вас письмами Аф_{<анасия>} Аф_{<анасьевича>}. Интимность их уже отчасти нарушена напечатаньем ответов на них в “Моих воспоминаниях”²⁷, а за меня, вероятно, поручится Академия наук. Согласились ли

²⁶ Письмо датировано: «Понедельник. 8-го января»; согласно календарю, это был 1900 либо 1906 г. (первая дата более вероятная). 14 писем Фета к ней хранятся в РГБ.

²⁷ Письма Толстого Фет с некоторыми купюрками и неточностями опубликовал в своих воспоминаниях (см.: Фет А.А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. Ч. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1890 [46]).

бы Вы доверить мне письма, если бы Академия рекомендовала меня, у себя хранила бы письма в продолжение назначенного Вами времени и заявила бы, что ни одна строка из них не будет напечатана без Вашего на то разрешения?» [47, л. 1–2]. Ответное письмо Толстой к Черногубову неизвестно. Через семь месяцев, в начале января 1901 г., он нанес «святочный» визит Софье Андреевне (вероятно, и Толстому) в Хамовниках и вновь обратился с той же просьбой: «Была сегодня Дунаева, – отметила графиня в своем дневнике 6 января 1901 г., – монахиня Виппер, Черногубов по поводу биографии Фета» [48, с. 8]. Вероятно, именно тогда же настойчивый исследователь получил приглашение весной приехать в Ясную Поляну, с тем чтобы заняться не только копированием писем Фета к Толстым, но и разборкой всего толстовского архива.

26 мая 1901 г. Черногубов в ожидании повторного приглашения, которое не последовало, вновь написал Софье Андреевне: «Многоуважаемая Графиня, Я рассчитываю выехать к Вам в Ясную Поляну 30 мая. Если приезд мой в это время неудобен, не откажите назначить срок более для Вас удобный. Ближайшая цель моей к Вам поездки письма А.А. Фета, но был бы очень рад теперь же приступить к разбору и всех Ваших бумаг» [49, л. 1]. 1 июня 1901 г. Софья Андреевна, явно не расположенная к визиту навязчивого фетоведа, ответила: «Милостивый Государь Николай Николаевич, на письмо ваше я не отвечала потому, что была в Москве и только что вернулась; а получено оно в Ясной Поляне. / В настоящее время я еще никак не могу заняться разборкой бумаг, так как очень много у меня своих и хозяйственных дел. / Если вам все равно, то лучше бы было вам приехать около 10-го июня. Тем более, что и дом мой весь полон приезжими родными в настоящее время. Извините за отсрочку» [50, л. 1]. Черногубов, судя по штемпелю на конверте, получил письмо 3 июня; к копированию же фетовских писем он приступил, предположительно, с 5 июня, так как 6 июня Софья Андреевна записала в дневнике: «Живет <Л.О.> Пастернак, хочет написать группу из Л<ъва> Н<иколаевича>, меня и Тани. Пока делает наброски. <...> Живет Черногубов, разбирает и переписывает письма Фета ко мне и Льву Николаевичу» [48, с. 19]. 8 июня 1901 г. Лев Николаевич отметил в своем дневнике: «У нас ... Пастернак и неприятный мертвец Черногуб<ов>» [51, с. 102]. Вероятно, на следующий день, 9 июня, Черногубов неожиданно покидает Ясную Поляну, очевидно, по причине какого-то конфликта, но ни в письмах, ни в дневниковых записях ни графини, ни самого Льва Николаевича эта история никак не освещается.

Причину столь поспешного отъезда в передаче самого Черногубова, вероятно уязвленного приемом, в своем дневнике под датой «конец июня» 1901 г. описал Брюсов: «Он уверял, будто графиня С.А. Толстая приглашала его в Ясн<ую> Поляну разбирать архив. Не требуя повторений этого, вероятно, мельком сделанного предложения, он поехал. Был там дней 5 и вернулся, а было что-то говорено о целом лете. Вероятно, прогнали. Дали, однако, письма Фета к

Толстому. Рассказывает много интересного о жизни в Яснй Поляне, о великом лицемерии там. Слуги раболепствуют перед “его сиятельством”, просителей принимают дурно, посылают им от барского стола объедки. – “Совсем не интеллигентный человек, – заметил граф, – не умеет объяснить, что ему нужно”. Много говорит против русского правительства. – “Только бы его к чертовой матери, и все будет хорошо”. Николай Николаевич, – продолжает Брюсов, – отважился было вступить с Толстым в спор, но это было против правил Ясной Поляны, где граф только изрекает.

– Что же вам нравится в Фете? – спросил граф.

– Да все, поэт и человек.

– Человек он был дурной.

– Почему же? Он был истинный нигилист, и если ни во что не верил, то так и говорил.

– Неумение составить себе веру показывает низкую душу.

– Однако это не так просто. “Жизнь – запутанность и сложность”²⁸.

– Ничего запутанного. Перед каждым рукоять, качай, а что выйдет, знает Хозяин. <...>

Когда Николай Николаевич уезжал, ему поручили отвезти одного больного мальчика в больницу. Отвез. Доктор спрашивает:

– На какие средства лечить его? Больница земская, а граф то и дело присыпает с записками²⁹.

Вместе с Черногубовым был в Ясной Поляне скульптор Аронсон, приехавший лепить графа. После он был с Никлаем Никлаевичем в Москве и подариł ему рельеф графа из воска» [18, с. 121–122; исправленный текст: 53, с. 10–11].

Память подвела Брюсова: одновременно с Черногубовым в Ясной Поляне гостил не русско-французский скульптор Н.Л. Аронсон³⁰, а Л.О. Пастернак, работавший в эти дни над семейным портретом Толстого. В воспоминаниях Пастернака картина неудавшегося пребывания фетоведа обрастает новыми подробностями, которые позволяют детализировать если не суть, скорее всего, религиозно-философского спора, возникшего по поводу Фета, а также аргументов убежденного и преданного фетоведа, то, по крайней мере, воссоздать подлинную реакцию графа на доводы гостя. Художник вспоминал: «Как-то, будучи в гостях в Ясной Поляне ..., я встретился там с одним молодым человеком, тогда жившим у Толстых и, с разрешения Софьи Андреевны, занимавшимся разбором

²⁸ Стихотворение Фета «Завтра – я не различаю!» (1891 г.).

²⁹ 12 июня 1901 г. Черногубов сообщал Софье Андреевне: «Разбитый мальчик оставлен в заводской больнице, и у меня осталось письмо Льва Никлаевича в Тульскую больницу, нельзя ли удержать это письмо?» (см.: Письмо Н.Н. Черногубова к С.А. Толстой от 12 июня 1901 г. // РГБ. Ф. 328. К. 3. № 36. Л. 2 [52]).

³⁰ См.: Аронсон Н. Штрихи великого образа: Воспоминания о Льве Толстом // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 248–252 [54]. С Черногубовым он познакомился по переписке.

фетовских писем к Толстым. Назовем его господином Х. Нас познакомили. Что-то было у него от Гоголя, – по манере причесываться, быть может. Холодные водянистые глаза, нечто звериное временами появлялось в его лице. Это был очень неглупый, очень желчный и язвительный, очень тонко разбирающийся в литературе и в оценке людей человек. Умел он также “подойти” к кому ему нужно было, и скоро сумел составить себе карьеру. Но было что-то от Иудушки, от ищечки, что-то неприятное в этом странном молодом человеке, что-то скрытое и враждебное всему толстовскому дому, начиная с Льва Николаевича. / Я потому запомнил все это, что Лев Николаевич был в совершенно незнакомом мне состоянии раздраженности и даже гнева. Он предложил мне поиграть с ним в комнатный теннис, и я заметил, что он был очень взволнован, видимо, от предшествовавшей какой-то беседы или спора с этим молодым человеком, так как он, между парированием шарика, в недружелюбном – совершенно для меня не-привычном – тоне – продолжал дискуссию с ним, употребляя по его адресу отдельные очень сильные выражения. По-видимому, со своим чутьем и уменьем распознавать людей Лев Николаевич, с первого взгляда, понял, что это за человек» [55, с. 198].

Этот эпизод не помешал, однако, Пастернаку, оказавшемуся свидетелем инцидента, в дальнейшем общаться с Черногубовым, а также вести с ним дружескую переписку. Именно он уговорил художника портретировать Н.Ф. Федорова. Пастернаку удалось под видом читателя библиотеки запечатлеть родонаучальника философии «Общего дела», категорически отказывавшегося от любого позирования. Во время серьезной болезни Толстого в 1902 г. Черногубов подал художнику мысль в случае трагического исхода сделать посмертную маску писателя. В 1910 г. Пастернак был вызван телеграммой в Астапово, где сделал рисунок писателя на смертном одре. Не без участия Черногубова, владевшего одним из слепков посмертной маски Федорова, художник сделал карандашный рисунок, воспроизведенной на авантитуле «Весов» (1904. № 6).

За время пребывания в Ясной Поляне Н.Л. Аронсон выполнил два бюста – Льва Николаевича и Софьи Андреевны, два карандашных портрета и около 80 набросков писателя. В дневнике под датой «14 июня» 1901 г. графиня записала: «Живет сейчас скульптор Aronson, бедняк-еврей, выбившийся в Париже в восемь лет в хорошего, талантливого скульптора. Лепят бюст Льва Николаевича и мой; bas-relief – Тани, и все недурно. / Меня он изобразил не такой безобразной, как это делали до сих пор все художники» [48, с. 20]. Тогда же в июне Аронсон написал Черногубову, получив адрес от Софьи Андреевны, с просьбой помочь найти хорошего формовщика для толстовского бюста: «Многоуважаемый Николай Николаевич, – сообщал ему скульптор из Ясной Поляны 13 июня 1901 г., – Графиня мне передала Ваше письмо³¹. Бесконечно благодарен

³¹ 12 июня 1901 г. Черногубов писал Софье Андреевне: «Посылаю Вам ответ формовщика Михайлова. Пожалуйста, известите, согласны ли на его условия. <...> / Сердечно благодарю Вас и всех

за все Ваши хлопоты. Будьте столь любезны, попросите г-на Михайлова (формовщика. – С.И.) выслать сейчас же три пуда гипса хорошего качества на адрес Л.Н. большой скоростью. Черные формы я сам сделаю и отправлю их в Москву Михайлову, чтоб отлить по нескольку экземпляров с каждого» [56, л. 13–13 об.]. По фотографии Фета, вероятно предоставленной Черногубовым, Аронсон в 1902 г. вылепил гипсовый бюст Фета, который экспонировался на весенней выставке в Академии художеств в Петербурге в том же году. Тогда же он сообщал исследователю: «Что касается фетовского бюста, Вы его получите при первом удобном случае», а 5 июня напомнил, что тот может забрать с выставки и «медальон Толстого» [56, л. 11 об., 12]

Дополнительные подробности о пребывании Черногубова в Ясной Поляне содержатся в дневнике А.В. Жиркевича; под датой 10 ноября (1903 г.) говорится: «Привели меня в контору (Третьяковской галереи. – С.И.) к какому-то Николаю Николаевичу Черногубову. Едва я назвал свою фамилию, как он спрашивает: “Вы знакомы были с Фетом?”». На утвердительный мой ответ Черногубов заявил, что он собирает у себя в оригиналах и копиях все то, что осталось после Фета, что Фета он, хотя лично и не знал, но был его поклонником и потому задался мыслью спасти от забвения все, после него оставшееся. <...> В несколько минут мы сошлись с Черногубовым, который стал просить меня дать, в копиях, для будущего музея имени Фета письма Афанасия Афанасьевича ко мне, затащил меня к себе, напоил чаем и показал мне массу ценного материала, собранного им по отношению к Фету – письма, рукописи, портреты, гравюры и т.п. Очень милый и любезный, Черногубов рассказал мне, где и в каком виде нашел он рукописи и переписку – и я невольно вспомнил мои личные архивные скитания и приключения. Для того, чтобы получить письма Фета к Толстому, Черногубов ездил в Ясную Поляну, где пробыл 10 дней, получив весьма ценные вещи. Графиня его очаровала. Лев Николаевич отнесся к идее о музее Фета скептически, а самому Черногубову как к бесполезному человеку»; Черногубов, вспоминал далее Жиркевич, «имеет собственноручную записку Фета, свидетельствующую о том, что Фет, незадолго перед смертью, думал покончить самоубийством. Бу-дучи в Ясной Поляне, Черногубов рассказал об этой записке Льву Николаевичу, и тот, как не любивший Фета, злорадно расспрашивал Черногубова об этой подробности из жизни Афанасия Афанасьевича» [цит. по: 57, с. 311]. Итак, исследователь поведал Толстому о попытке Фета уйти из жизни и его предсмертной записке, о своем желании открыть музей Фета; были, вероятно, и другие темы, вызвавшие спор, дошедший до открытого конфликта.

Едва ли Черногубов очевидным образом демонстрировал свою якобы враждебность ко «всему толстовскому дому, начиная с Льва Николаевича». При всей сложности характера начинающий исследователь, безусловно, осознавал

Ваших за радушное гостеприимство. Низко кланяюсь хозяевам и гостям Ясной Поляны / Преданный Вам Черногубов» (см.: Письмо Н.Н. Черногубова к С.А. Толстой от 12 июня 1901 г. // РГБ. Ф. 328. К. 3. № 36. Л. 1–2).

величину толстовского гения. Так, Садовской, подружившийся с Черногубовым в 1911 г., привел слышанный от того рассказ: «Вот кое-что из рассказов Черногубова. / «С Толстым познакомился я в Румянцевском музее. Вижу отворяется дверь и неходит, а вбегает, бело-розовый, точно из бани, старик в блузе, с манерами маркиза. / Я гостил одно лето в Ясной Поляне. Ночью проснешься: за стеной дышит Толстой. И думаешь: все, чем жил, с чем сроднился с детства, Наташа Ростова, Пьер, Анна Каренина, Вронский, все эти миры заключены вот тут, в одном этом старике»» [41, с. 169]. И далее, в корне меняя фокус своего восприятия уклада Ясной Поляны, он не без сарказма продолжил, в передаче Садовского: ««В Ясной Поляне собирались завтракать. Толстой подходил из сада; к нему робко приблизился семинарист, пешком пришедший из Полтавы поговорить с учителем. Толстой на ходу, секунд в двадцать, разъяснил юноше смысл жизни и пошел завтракать. Усталый семинарист присел на скамью. Графское семейство кушало вареники на террасе. Усмехались. Наконец графиня, по-жав плечами, наложила в тарелку вареников и послала гостю с лакеем. Тот съел и отправился в Полтаву. / Толстые вспоминали Фета тем же тоном, как говорят о собаке: славный был пес»» [41, с. 169].

Серьезный конфликт с Толстым, который долго не мог успокоиться, употребляя в отношении гостя «очень сильные выражения», был вызван непримиримым спором, о содержании которого остается только гадать. Выскажем осторожное предположение, что речь могла здаться не только о мировоззренческом расхождении убежденного монархиста Фета с отрицающим власть и монархию Толстым, но и о давней полемике между ними о смысле жизни, вере и безверии, об отношении к Богу – полемике, особенно обострившейся к 1879 г., которая привела к духовному отчуждению, взаимному непониманию, охлаждению со стороны Толстого и прекращению переписки в 1881 г.³² Непосредственным поводом к спору могло стать и то, что буквально накануне визита в Ясную Поляну вышел первый выпуск журнала «Русское обозрение» (скорее всего, 1 июня), в котором Черногубов впервые опубликовал философский этюд Фета «Послесловие» к опубликованному ранее переводу А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (СПб., 1881); статья была неявно направлена против Толстого и его социально-обличительного истолкования христианства (скорее всего, печатать ее в свое время отговорил Фета Страхов). Возможно, что статью Толстой прочитал сам или, скорее всего, узнал о ее содержании в услужливом пересказе Черногубова³³. Приведем фрагменты из этого фетовского послесловия: «Путь христианского спасения есть путь смирения перед внешней необходимостью строгого закона, а не путь гордыни и протеста. <...> мы сочли своим нравственным долгом сказать это ввиду возникающих в последнее время учений и толкований

³² См.: Розанова С.А. Лев Толстой и Фет (История одной дружбы) // Русская литература. 1963. № 2. С. 103 [58].

³³ См.: Послесловие А. Фета к его переводу Шопенгауэра. Сообщил Н. Черногубов // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 274–280.

христианства, силящихся превратить последнее в орудие против существующего порядка и законности», для «подобных целей могут быть пригодны разве какие-либо социалистические учения, а христианское учение на это вполне не пригодно» [15, с. 279–280]³⁴. В контексте негативных оценок Фета, прозвучавших в Ясной Поляне в 1901 г., фетовский голос двадцатилетней давности, вероятно, вернул романиста к прежнему непримиримому противостоянию с забытым оппонентом.

Вынужденный в результате конфликта прервать визит, но получив от Софьи Андреевны подлинники писем Фета к Толстым, Черногубов к середине августа заканчивает их копировать. 13 августа 1901 г. он сообщает: «Вы, Графиня, нынче, может быть, долго не приедете в Москву, поэтому не разрешите ли мне в Румянцевском музее без Вас начать знакомство с хранящимися там Вашими рукописями. / Я бы пока привык к почерку, завел некоторый порядок и т.д. А там приехали бы Вы, и мы бы приступили к собиранию всего написанного Львом Николаевичем: вариантов, отрывков, писем и проч. Был бы очень счастлив работать над этим под Вашим руководством. / Простите мое нетерпение, велико-душно объяснив его моей любовью к предстоящей работе. / Благодарю Вас за письма Аф^{<анафия>} Аф^{<анафиича>}, не сдать ли их пока на хранение в Румянцевский музей <?>. Искренно желаю Вам и всем Вашим всего хорошего, начиная со здоровья Льву Николаевичу» [59, л. 1–1 об.]. Неизвестен ни ответ Толстой, ни то, состоялась ли эта встреча; нет никаких сведений и о том, что Черногубов принимал участие в разборке толстовского архива в Румянцевском музее.

В самом начале Первой мировой войны Садовской встретился с Черногубовым в Москве, за обедом у Тестова состоялся следующий разговор: «“Слава Богу, вот и война! Хоть гирше, да инше”³⁵. Если кончим благополучно, укрепимся на веки вечные». Он вытащил банковскую книжку. – “Вот, двадцать тысяч накопил продажей старых вещей. После войны куплю себе дом и дачу”. Затем он картинно рассказал, как он устроится под Москвой, какая у него будет кухня, как утром он поедет в город на собственных рысаках, хрустя разноцветным гравием, отвечая на поклоны встречных крестьян» [41, с. 177].

После революции Черногубов перебрался на Украину, остатки фетовской коллекции, по некоторым сведениям, были брошены в его доме на Девицком поле, по другим – на некоей даче. Следует, вероятно, привести слухи, которые циркулировали в литературной среде. Сохранилась запись устного рассказа по телефону М.А. Цявловского И.Л. Андронникову от 13 января 1941 г. в любезной записи Н.Г. Антокольской вероятно, Надежды Григорьевны, сестры поэта, в прошлом секретаря Л.Б. Каменева: «Черногубов после того, как разразилась революция, панически бросил свою квартиру, зная за собой темные, даже уголовные дела. Так, Черног^{<убов>} поехал в Орел, в погоне за мечтами, связ^{<анными>} с Фетом. Фет, в качестве мирового судьи провернул

³⁴ См. также: Розанова С.А. Лев Толстой и Фет (История одной дружбы). С. 103.

³⁵ Украинская пословица «Хай гирше, та инше» – пусть более горькое, зато другое.

сотни дел и на бумагах клал резолюции. Черногубов подкупал архивистов и пуды дел собирал у себя в квартире. / Квартира подверглась разгрому. Соседи или бандиты, или кто сделал <нрзб.> обыск, и многое конечно попортилось. То, что квартира опустела, дошло до свед³⁶ния сотр^{удников} Румянц^{евской} библиотеки Киселева и А.С. Петровского, кот^{орые} все остатки и забрали. <...>/ Он не сгинул. Он вынырнул, удрал только на Украину и заведует коллекцией Терещенко» [60, л. 7–7 об.]. Никакими документальными подтверждениями и этого сюжета мы не располагаем.

На наш запрос об истории поступления фетовских материалов в архив РГБ были получены следующие сведения: весной 1924 г. «доставлены … из кладовой Музейного отдела в д^{оме} № 14 на Софийской набережной на основании мандата Ленинской библиотеки от 29.03.1924 за № 409: 1) 814 книг; 2) 6 мешков архива Фета в полуистлевшем виде; 3) 8 коробок с негативами; 4) 15 семейных фотографий Фета; 5) гипсовый бюст Фета» [61, № 25, д. 52, л. 17]. В записи от 09.04.1924 упоминается о передаче «одной маски Фета и одного бюста Фета»; материалы переданы «Н.М. Мендельсону, зав. Отделом литературных комнат» [61, № 25, д. 52, л. 18]³⁶.

В московской «Новой вечерней газете» 6 июля 1925 г. была помещена заметка «Находка архива А.А. Фета», в которой сообщалось, что «найденные материалы подготавливаются к печати отдельным сборником» [62, с. 7]. Издание, как известно, не состоялось. Подведем итог: основу фетовского фонда 315 в НИОР РГБ составило собрание Черногубова. Трудно сказать, каким образом фетовский архив оказался в кладовых Музейного отдела Главнауки Наркомпроса, располагавшегося в бывшем городском имении сахарозаводчика и известного коллекционера П.И. Харитоненко на Софийской наб., д. 14, по совпадению хорошего знакомого Черногубова, но именно оттуда весной 1924 г., согласно официальным документам, архив поступил в Ленинскую библиотеку. Выскажем осторожное предположение: спешно покидая Москву, предположительно весной 1917 г., Черногубов оставил архив в особняке Харитоненко (вероятно, с разрешения вдовы Веры Андреевны, разделявшей интересы мужа, поскольку сам Харитоненко умер в 1914 г. в своем имении Натальевка на Харьковщине). Скорее всего, собираясь вернуться, он полагал, что в трудные времена в охраняемом особняке фетовские бумаги будут в большей безопасности. Косвенно это предположение подтверждает тот факт, что исследователь отправлялся в Натальевку (где Харитоненко создал ценнейшее древлехранилище) в целях организовать там музей и таким образом защитить коллекцию от мародерства.

После Октябрьской революции имение Харитоненко на Софийской набережной, расположенное напротив Кремля, было национализировано. Через год

³⁶ Книга поступлений Румянцевского музея. Библиотека. 1918–1924 гг. // РГБ. Архив РГБ. Оп. 25, д. 52; оп. 14, д. 94; оп. 17, д. 249, 249а [61].

члены семьи уехали на Украину, а затем и вовсе эмигрировали из страны. Вывезенная из особняка коллекция картин пополнила собрания Государственной Третьяковской галереи, Русского музея и Эрмитажа. Художник К.А. Коровин оставил свидетельство, как в особняке мародерствовали анархисты, разбивали в подвалах винные бутылки³⁷; досталось, вероятно, и фетовскому архиву, позднее обнаруженному в плачевном «полуистлевшем» состоянии. В имении сначала ненадолго разместился Датский Красный Крест, а затем дом перешел в ведение Наркомата иностранных дел. Из подвалов музейных кладовых Главнауки Наркомпроса, располагавшихся в этом же здании, фетовский архив и был передан в Ленинскую библиотеку. В настоящее время в роскошных интерьерах особняка базируется резиденция посла Соединенного Королевства Великобритании.

В начале 1930-х гг. Черногубов оказался в Киеве в Музейном городке при Киево-Печерской Лавре, где заведовал фондом станковой живописи, занимаясь консервацией икон и культового шитья при Успенском соборе; составлял описание икон, попавших в музейное собрание Лавры после революции; дважды по доносу был арестован. После оккупации Киева нацисты расстреляли Черногубова 21 октября 1941 г. как свидетеля мародерства церковных ценностей из Лавры и минирования фашистами Успенского собора³⁸.

Список литературы

1. Влюбленные в Фета: Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому (1921–1922) / вступ. ст., коммент. и публ. С.В. Шумихина // Наше наследие. 2007. № 83/84. С. 84–111; 2008. № 85. С. 76–114.
2. Ипатова С.А. Б.А. Садовской о Фете, или Как не состоялась книга «А.А. Фет. Жизнь и творения» (1913) // А.А. Фет: Материалы и исследования. К 200-летию со дня рождения поэта (1820–2020). IV / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. СПб.: Росток, 2021. Вып. 4. С. 146–185.
3. Асланова Г.Д. Роковое фетианство // Наше наследие. 1999. № 49. С. 55–59.
4. <Личное дело Н.Н. Черногубова, сотрудника Третьяковской галереи (1902–1913)> // ЦГАМ. Ф. 179 (Московская городская управа). Оп. 37. № 2025. 18 лл.
5. Письмо Н.Н. Черногубова П.Е. Кеппену от 31 октября 1901 г. // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. № 129. Л. 10–10 об.
6. Письмо Е.В. Федоровой к Н.Я. Полонской от 14 апреля <1894> // ИРЛИ. № 12871. 2 лл.
7. Письма секретаря А.А. Фета Екатерины Владимировны Федоровой к А.В. Жиркевичу / публ. Н.Г. Жиркевич-Подлесских // А.А. Фет и русская литература. XV Фетовские чтения: материалы Всерос. науч. конф., 1–5 июля 2000 г. Курск. Орел: Изд. КГПУ, 2000. С. 18–29.
8. Родионова А.Е. Документальное наследие А.А. Фета в фондах отдела рукописей РГБ: история поступления документов, структура личного архивного фонда, археографический обзор // «Я к наслаждению высокому зову» (Фетовские чтения в Воробьевке): материалы Всерос. науч.-практ. конф., 12–14 июля 2024 года. Курск: Изд. КГПУ, 2024. С. 3–14.

³⁷ См.: Константин Коровин вспоминает / сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. 2-е изд., доп. М.: Изобразительное иск-во, 1990. С. 241–242 [63].

³⁸ 3 ноября 1941 г. Собор Успения Пресвятой Богородицы XI в., Соборный храм Киево-Печерской Лавры был взорван и безвозвратно утрачен.

9. Иванова Е.В., Шумихин С.В. Никольский Борис Владимирович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Изд. Большая Рос. энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 321–323.
10. [Б.В. Никольский]. От редактора // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений А.А. Фета: в 3 т. Т. 1 / под ред. Б.В. Никольского. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1901. С. V–XXVI.
11. Никольский Б.В. Дневник 1896–1918: в 2 т. Т. 1. 1896–1903 / изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буландин, 2015. 704 с.
12. Письмо Б.В. Никольского к Н.Н. Черногубову от 14 января 1900 г. // РГБ. Ф. 328. К. 5. № 21. 13 л.
13. Черногубов Н.Н. К хронологии стихов Фета // Северные цветы на 1902 г., собранные издательством «Скорпион». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. С. 215–224.
14. Черногубов Н.Н. Происхождение А.А. Фета // Русский архив. 1900. Т. 38, № 8. С. 523–536.
15. Послесловие А. Фета к его переводу А. Шопенгауэра / сообщ. Н.Н. Черногубов // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 274–280.
16. Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка: в 2 т. Т. 1: 1902–1909 / вступ. ст. А.В. Лаврова. М.: НЛО, 2017. 737 с.
17. Из переписки <Фета и Страхова>; (1877–1879) // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 71–101.
18. Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / сост., вступ. ст. Е.В. Иванова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. 415 с. (сер. «Эпохи и судьбы»).
19. Молодяков В. Мой Брюсов: Публикации. Статьи. Собрание. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. 352 с.
20. Письмо В.Я. Брюсова к Н.Н. Черногубову от 7 января 1903 г. // РГБ. Ф. 328. К. 4. № 21. 28 лл.
21. Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902 / вступ. ст., сост., подгот. текста и comment. А.В. Лаврова. М.: НЛО, 2002. 496 с. (сер. «Россия в мемуарах»).
22. Брюсов В.Я. Фетовский вечер и фетовский скандал // Новый путь. 1903. № 2. С. 188–192 (псевд. «Москвитянин»).
23. Брюсов В. А.А. Фет. Искусство или жизнь // Брюсов В. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М.: Книгоизд. «Скорпион», 1912. С. 18–26.
24. Ходасевич В. Московский литературно-художественный кружок // Воспоминания о Серебряном веке / сост., предисл. и comment. В. Крейда. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 389–393.
25. <Договор Черногубова с издательством «Скорпион»> от 28 января 1901 г. // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 63.
26. Письма Владимира Соловьева к А.А. Фету // Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1901. С. 146–159.
27. Письмо Вл. Соловьева <к Фету от 15 июля 1892 г.> // Русское обозрение. 1901. Вып. 1. С. 104–106.
28. Деревенский житель (А. Фет). Где первоначальный источник нашего нигилизма // Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. С. 191–193.
29. <Договор Черногубова с издательством «Скорпион»> от 27 октября 1901 г. // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 63–64.
30. Письмо Брюсова к С.А. Полякову от 29 июля 1902 г. // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 63.
31. Письмо И.М. Ивакина к Н.Ф. Федорову от 27 апреля 1899 г. // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4 / сост., подгот. текста, примеч. А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновой. М.: Изд. Evidentis, 2005. С. 651–652.
32. Письмо Н.И. Дорофеевой к И.П. Брихничёву от первой половины 1913 г. // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Антология. Кн. 2 / сост., вступ. ст., comment. А.Г. Гачевой при

участии Е.В. Бронниковой и др. СПб.: Изд-во РХГИ, 2008. С. 190–193 (сер. «Русский путь»).

33. Из «Записок» И.М. Ивакина / публ. и comment. Т.Г. Никифоровой // Октябрь. 1996. № 9. С. 148–157.

34. Комментарии к разделам: Письма Н.Ф. Федорову разных лиц и Письма <Н.Ф. Федорова> // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Дополнения. Комментарии к четвертому тому / сост. и подгот. текста А.Г. Гачевой; comment. А.Г. Гачевой при участии С.Г. Семеновой. М.: Традиция, 2000. 638 с.

35. Н. [Черногубов Н.Н.]. Николай Федорович Федоров // Весы. 1904. № 1. С. 54.

36. Гачева А.Г. В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: Вопрос о смысле и целях искусства. Статья вторая: по страницам журнала «Весы» // Соловьевские исследования. 2024. Вып. 2(82). С. 45–61.

37. Муратов П.П. Русская живопись до середины XVII века. История открытия и исследования. СПб.: ВІВЛІОПОЛІС, 2008. 429 с.

38. Щербатов С., князь. Художник в ушедшей России / вступ. ст. В. Нехотина. М.: XXI век – Согласие, 2000. 464 с. (сер. «Б-ка русской культуры»).

39. Грабарь И.Э. Моя жизнь: автомонография. Этюды о художниках / сост., вступ. ст. и comment. В.М. Володарского. М.: Республика, 2001. 504 с.

40. Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: в 3 т. Т. 1 / вступ. ст. Б.М. Сарнова. М.: Сов. писатель, 1990. 640 с.

41. Садовской Б. Записки (1881–1916) / публ. С.В. Шумихина // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 1. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1991. С. 106–183.

42. Письмо Н.Н. Черногубова к А.Я. Полонскому от 31 мая 1900 г. // РГАЛИ. Ф. 403. Оп. 3. № 69. 1 л.

43. Письмо Е.И. Боратынской к Н.Н. Черногубову от 8 января <1900 г.> // РГБ. Ф. 328. К. 4. № 16. Л. 1.

44. Письмо В.Я. Брюсова Черногубову от 5 (17) мая 1903 г. // РГБ. Ф. 328. К. 4. № 21. Л. 17.

45. Письмо Н.Н. Черногубова Остроухову от 15 августа 1903 г. // ГТГ. Ф. 10. Оп. 1. № 6905. Л. 2 об.

46. Фет А.А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2 ч. Ч. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1890. 402 с.

47. Письмо Н.Н. Черногубова к С.А. Толстой от 7 июня 1900 г. // ГМТ. Ф. 47 (С.А. Толстая). Инв. № 15450. Л. 1–2.

48. Толстая С.А. Дневники: в 2 т. / сост., подгот. текста и comment. Н.И. Азаровой и др. Т. 2: 1901–1910. Ежедневники. М.: Худож. лит., 1978. 671 с. (сер. Литературных мемуаров).

49. Письмо Н.Н. Черногубова к С.А. Толстой 26 мая 1901 г. // ГМТ. Ф. 47 (С.А. Толстая). Инв. № 15451. Л. 1.

50. Письмо С.А. Толстой к Н.Н. Черногубову от 1 июня 1901 г. // РГБ. Ф. 328. К. 6. № 2. Л. 1.

51. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч: [в 90 т.]. Т. 54. Дневник. Записные книжки и отдельные записи 1900–1903 гг. / ред. К.С. Шохор-Троцкий. М.: Худ. лит., 1935. XV. 752 с.

52. Письмо Н.Н. Черногубова к С.А. Толстой от 12 июня 1901 г. // РГБ. Ф. 328. К. 3. № 36. 8 л.

53. Богомолов Н. Другой Толстой: Писатель глазами русских символистов // Toronto Slavic Quarterly. 2012. No. 40. Spring. С. 7–22.

54. Аронсон Н. Штрихи великого образа: Воспоминания о Льве Толстом // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 248–252.

55. Мои встречи с Толстым. Из «разновременных записей» Л.О. Пастернака / публ. Э.Г. Бабаева // Яснополянский сборник. Статьи, материалы, публикации. Тула: Приокское книжное изд-во, 1968. С. 185–205.

56. Письма Н.Л. Аронсона к Н.Н. Черногубову (1901–1902) // РГБ. Ф. 328. К. 4. № 6. 15 л.

57. Асланова Г. «Еще ты каждый миг моей покорна воле...» (О смерти А.А. Фета) // Вопросы литературы. 2008. № 3. Май – Июнь. С. 307–321.

58. Розанова С.А. Лев Толстой и Фет (История одной дружбы) // Русская литература. 1963. № 2. С. 86–107.
59. Письмо Н.Н. Черногубова к С.А. Толстой от 13 августа 1901 г. // ГМТ. Ф. 47 (С.А. Толстая). Инв. № 15452. Л. 1–1 об.
60. Устные рассказы М.А. Цявловского в записи Н.Г. Антокольской // РГАЛИ. Ф. 2558 (Цявловские М.А. и Т.Г.). Оп. 2. № 183. Л. 7–7 об.
61. Книга поступлений Румянцевского Музея. Библиотека. 1918–1924 гг. // РГБ. Архив РГБ. Оп. 25. Д. 52; оп. 14. Д. 94; оп. 17. Д. 249, 249а.
62. Находка архива А.А. Фета // Новая вечерняя газета. 1925, 6 июля. № 93. С. 7.
63. Константин Коровин вспоминает / сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. 2-е изд., доп. М.: Изобразительное иск-во, 1990. 608 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Dorofeeva [Dorofeeva, N.I.]. Pis'mo I.P. Brikhnichev [Letter to I.P. Brikhnichov], in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn. Antologiya. Kn. 2* [Fedorov: Pro et contra: in 2 books. An Anthology. Book 2]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2008, pp. 190–193.
2. Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t. Dopolneniya. Kommentarii k t. 4* [Collected Works in 4 vols. Additions. Commentary on vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 2000. 638 p.
3. Ivakin [Ivakin, I.M.]. Pis'mo N.F. Fedorovu [Letter to N.F. Fedorov], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 4* [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Izdatel'stvo «evidentis», 2004, pp. 651–652.
4. Nikol'skiy [Nikolskiy, B.V.]. Ot redaktora [From the Editor], in Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhov v 3 t., t. 1* [The Complete Collection of Poem in 3 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Izdanie A.F. Marks'a, 1901, pp. V–XXVI.
5. Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 90 t., t. 54* [The Complete Works in 90 vols., vol. 54]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1935. 752 p.

Individual Works

6. Andrey Belyy i Emily Metner. *Perepiska v 2 t., t. 1 (1902–1909)* [Andrey Bely and Emily Metner. Correspondence in 2 vols., vol. 1 (1902–1909)]. Moscow: NLO, 2017. 737 p.
7. Aronson, N.L. Pis'ma N.N. Chernogubovu [Letters to N.N. Chernogubov], in *RGB*, f. 328, k. 4, no. 6.
8. Boratynskaya, E.I. Pis'mo N.N. Chernogubovu [Letter to N.N. Chernogubov], in *RGB*, f. 328, k. 4, no. 16.
9. Bryusov, V.Ya. Fetovskiy vecher i fetovskiy skandal [Fet Evening and Scandal], in *Novyy put'*, 1903, no. 2, pp. 188–192.
10. Bryusov, V.Ya. Pis'mo N.N. Chernogubovu ot 5 (17) maya 1903 g. [Letter to N.N. Chernogubov, dated May 5th 1903], in *RGB*, f. 328, k. 4, no. 21.
11. Bryusov, V.Ya. Pis'mo N.N. Chernogubovu ot 7 yanvarya 1903 g. [Letter to N.N. Chernogubov, dated January 7th 1903], in *RGB*, f. 328, k. 4, no. 21.
12. Bryusov, V.Ya. Pis'mo S.A. Polyakovu [Letter to S.A. Polyakov], in *Literaturnoe nasledstvo*, t. 98: *Valeriy Bryusov i ego korrespondenty: v 2 kn., kn. 2* [Literary Heritage, Vol. 98: Valery Bryusov and His Correspondents: in 2 books, book 2]. Moscow: Nauka, 1994, p. 63.
13. Chernogubov, N.N. K khronologii stikhov Feta [To the chronology of Fet's poems], in *Severnye tsvety na 1902 g., sobrannye izdatel'stvom «Skorpion»* [Northern Flowers for 1902, Collected by the “Scorpio” Publishing House]. Moscow: Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova, 1902, pp. 215–224.

14. Chernogubov, N.N. Pis'mo A.Ya. Polonskomu [Letter to A.Ya. Polonsky], in *RGALI*, f. 403, op. 3, no. 69.
15. Chernogubov, N.N. Pis'mo I.S. Ostroukhovu [Letter to I.S. Ostroukhov], in *GTG*, f. 10, op. 1, no. 6905.
16. Chernogubov, N.N. Pis'mo P.E. Keppenu [Letter to P.E. Keppen], in *RGI4*, f. 537, op. 1, no. 129.
17. Chernogubov, N.N. Pis'mo S.A. Tolstoy [Letter to S.A. Tolstoy], in *GMT*, f. 47, no. 15451.
18. Chernogubov, N.N. Pis'mo S.A. Tolstoy [Letter to S.A. Tolstoy], in *RGB*, f. 328, k. 3, no. 36.
19. Chernogubov, N.N. Pis'mo S.A. Tolstoy [Letter to S.A. Tolstoy], in *GMT*, f. 47, no. 15452.
20. Chernogubov, N.N. Pis'mo S.A. Tolstoy [Letter to S.A. Tolstoy], in *GMT*, f. 47, no. 15450.
21. Chernogubov, N.N. Proiskhozhdenie A.A. Feta [The origin of A.A. Fet], in *Russkiy arkhiv*, 1900, no. 8, vol. 38, pp. 523–536.
22. Fedorova, E.V. Pis'mo N.Ya. Polonskoy [Letter to N.Ya. Polonskaya], in *IRLI*, no. 12871, l. 2–2 ob.
23. Fet, A.A. Derevenskiy zhitel' (A. Fet). Gde pervonachal'nyy istochnik nashego nihilizma [“The Village Dweller” (A. Fet). The Primary Source of Our Nihilism], in *Severnnye tsvety na 1902 god, sobrannye knigoizdatel'stvom «Skorpion»* [Northern Flowers for 1902, Collected by the “Scorpio” Publishing House]. Moscow: Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova, 1902, pp. 191–193.
24. Fet, A.A. Posleslovie A. Feta k ego perevodu A. Shopengauera [Fet's Afterword to his translation of A. Schopenhauer], in *Russkoe obozrenie*, 1901, issue 1, pp. 274–280.
25. Iz perepiski <Feta i Strakhova> [From the correspondence <between Fet and Strakhov>] in *Russkoe obozrenie*, 1901, issue 1, pp. 71–101.
26. Kniga postupleniy Rumyantsevskogo Muzeya. Biblioteka. 1918–1924 gg. [The Rumyantsev Museum’s Receipt Book. Library], in *RGB, arkhiv RGB*, op. 25, d. 52; op. 14, d. 94; op. 17, d. 249, 249a.
27. Lichnoe delo N.N. Chernogubova [Chernogubov's personal file], in *TsGAM*, f. 179, op. 37, no. 2025.
28. N. [N.N. Chernogubov]. Nikolay Fedorovich Fedorov [Nikolai Fedorovich Fedorov], in *Vesy*, 1904, no. 1, p. 54.
29. Nikol'sky, B.V. Pis'mo N.N. Chernogubovu [Letter to N.N. Chernogubov], in *RGB*, f. 328, k. 5, no. 21.
30. Solov'ev, V.S. Pis'ma Vladimira Solov'eva k A.A. Fetu [Vladimir Solovyov's Letters to A.A. Fet], in *Severnnye tsvety na 1901 god, sobrannye knigoizdatel'stvom «Skorpion»* [Northern Flowers for 1901, Collected by the “Scorpio” Publishing House]. Moscow: Tovarishchestvo tip. A.I. Mamontova, 1901, pp. 146–159.
31. Solov'ev, V.S. Pis'mo Vl. Solov'eva <A.A. Fetu> [Letter to A.A. Fet], in *Russkoe obozrenie*, 1901, issue 1, pp. 104–106.
32. Tolstaya, S.A. Pis'mo N.N. Chernogubovu [Letter to N.N. Chernogubov], in *RGB*, f. 328, k. 6, no. 2.
33. Ustnye rasskazy M.A. Tsyavlovskogo v zapisi N.G. Antokol'skoy [Oral Stories by M.A. Tsyavlovsky, recorded by N.G. Antokolskaya], in *RGALI*, f. 2558, op. 2, no. 183.

(Articles from Scientific Journals)

34. Aronson, N. Shtriki velikogo obrazza: Vospominaniya o L've Tolstom [Stroces of the Great Image: Memories of Leo Tolstoy], in *Voprosy literatury*, 1965, no. 5, pp. 248–252.
35. Aslanova, G. «Eshche ty kazhdyy mig moey pokorna vole...» (O smerti A.A. Feta) [“You are still submissive to my will at every moment...” (On the death of A.A. Fet)], in *Voprosy literatury*, 2008, no. 3, pp. 307–321.
36. Aslanova, G.D. Rokovoe fetianstvo [Fatal fetianism], in *Nashe nasledie*, 1999, no. 49, pp. 55–59.
37. Bogomolov, N. Drugoy Tolstoy: Pisatel' glazami russkikh simvolistov [Another Tolstoy: The Writer Through the Eyes of Russian Symbolists], in *Toronto Slavic Quarterly*, 2012, no. 40, spring, pp. 7–22.

38. Gacheva, A.G. V.Ya. Bryusov, N.F. Fedorov i deyateli Fedoroviany 1900–1920-kh godov: Vopros o smysle i tselyakh iskusstva. Stat'ya vtoraya: po stranitsam zhurnala «Vesy» [V.Ya. Bryusov, N.F. Fedorov and the Fedorovians of the 1900s–1920s: The Question of the Meaning and Goals of Art. Article Two: Following the Pages of the Journal “Vesy”], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 2(82), pp. 45–61.
39. Iz «Zapisok» I.M. Ivakina [From the Notes of I.M. Ivakin], in *Oktyabr'*, 1996, no. 9, pp. 148–157.
40. Nakhodka arkhiva A.A. Feta [Discovery of the A.A. Fet Archive], in *Novaya vechernyaya Gazeta*, 1925, 6 iyulya, no. 93, p. 7.
41. Rozanova, S.A. Lev Tolstoy i Fet (Istoriya odnoy druzhby) [Leo Tolstoy and Fet (The Story of a Friendship)], in *Russkaya literatura*, 1963, no. 2, pp. 86–107.
42. Vlyublennye v Feta: Pis'ma G.P. Bloka k B.A. Sadovskomu [Lovers of Fet: Letters from G.P. Blok to B.A. Sadovsky], in *Nashe nasledie*, 2007, no. 83/84, pp. 84–111; 2008, no. 85, pp. 76–114.

(Articles from Proceeding and Collection of Research Papers)

43. Bryusov, V. A.A. Fet. Iskusstvo ili zhizn' [A.A. Fet. Art or Life], in Bryusov, V. *Dalekie i blizkie. Stat'i i zametki o russkikh poetakh ot Tyutcheva do nashikh dney* [The Distant and the Close: Articles and Notes on Russian Poets from Tyutchev to Our Time]. Moscow: Scorpion, 1912, pp. 18–26.
44. Dogovor N.N. Chernogubova s izdatel'stvom «Scorpion» ot 27 oktyabrya 1901 g. [Chernogubov's contract with the Scorpion publishing house], in *Literaturnoe nasledstvo*, t. 98: Valeriy Bryusov i ego korrespondenty: v 2 kn., kn. 2 [Literary Heritage, Vol. 98: Valery Bryusov and His Correspondents: in 2 books, book 2]. Moscow: Nauka, 1994, pp. 63–64.
45. Dogovor N.N. Chernogubova s izdatel'stvom «Scorpion» ot 28 yanvarya 1901 g. [Chernogubov's contract with the Scorpion publishing house], in *Literaturnoe nasledstvo*, t. 98: Valeriy Bryusov i ego korrespondenty: v 2 kn., kn. 2 [Literary Heritage, Vol. 98: Valery Bryusov and His Correspondents: in 2 books, book 2]. Moscow: Nauka, 1994, p. 63.
46. Ipatova, S.A. B.A. Sadovskoy o Fete, ili Kak ne sostoyalas' kniga A.A. Fet. «Zhizn' i tvoreniya» [B.A. Sadovskoy about Fet, or How the book “A.A. Fet. Life and Creations” was not published], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya*, vyp. 4 [A.A. Fet: Materials and Research, Issue 4]. Saint-Petersburg: Rostok, 2021, pp. 146–185.
47. Ivanova, E.V., Shumikhin, S.V. Nikol'skiy B.V. [Nikolsky B.V.], in *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: Biographical Dictionary]. Moscow: Izdatel'stvo «Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya», 1999, vol. 4, pp. 321–323.
48. Khodasevich, V. Moskovskiy literaturno-khudozhestvennyy kruzhek [Moscow Literary and Artistic Circle], in *Vospominaniya o Serebryanom veke* [Memoirs of the Silver Age]. Moscow: Respublika, 1993, pp. 389–390.
49. Pasternak, L.O. Moi vstrechi s Tolstym. Iz «raznovremennykh zapisey» L.O. Pasternaka [My meetings with Tolstoy. From the “diary entries” by L.O. Pasternak], in *Yasnopolyanskiy sbornik. Stat'i, materialy, publikatsii* [Yasnaya Polyana Collection. Articles, Materials, Publications]. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968, p. 198.
50. Pis'ma sekretarya A.A. Feta Ekateriny Vladimirovny Fedorovoy k A.V. Zhirkevichu [Letters from A.A. Fet's secretary, Ekaterina Vladimirovna Fedorova, to A.V. Zhirkevich], in *A.A. Fet i russkaya literatura. XV Fetovskie chteniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 1–5 iyulya 2000 g. Kursk* [A.A. Fet and Russian Literature. The 15th Fet Conference. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, July 1–5, 2000, Kursk]. Orel: Izdatel'stvo KGPU, 2000, pp. 18–29.
51. Rodionova, A.E. Dokumental'noe nasledie A.A. Feta v fondakh otdela rukopisey RGB [A.A. Fet's Documentary Heritage in the Manuscript Department of the Russian State Library], in *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ya k naslazhdeniyu vysokomu zovu» (Fetovskie*

chteniya v Vorob'evke), 12–14 iyulya 2024 goda [Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference “I Call You to Sublime Delight” (Fet Readings in Vorobyovka), July 12–14, 2024]. Kursk: Izdatel'stvo KGPU, 2024, pp. 3–14.

52. Sadovskoy, B. *Zapiski (1881–1916)* [Notes (1881–1916)], in *Rossiyskiy arkhiv. Istoryya otechestva v svидетельствах и документах XVIII–XX vv. Vyp. I* [Russian Archive. History of the Fatherland in Testimonies and Documents of the 18th–20th Centuries. Issue 1]. Moscow: Studiya «TRITE» – «Rossiyskiy Arkhiv», 1991, pp. 106–183.

(Monographs)

53. Bryusov, V. *Dnevnikи. Avtobiograficheskaya proza. Pis'ma* [Diaries. Autobiographical prose. Letters]. Moscow: OLMA-PRESS Zvezdnyy mir, 2002. 415 p.
54. Erenburg, I. *Lyudi, gody, zhizn': Vospominaniya v 3 t., t. 1* [People, Years, and Life: Memories: in 3 vols., vol. 1]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1990. 640 p.
55. Fet, A.A. *Moi vospominaniya. 1848–1889: v 2 ch., ch. 2* [My memories. 1848–1889 in 2 parts, part 2]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova, 1890. 402 p.
56. Grabar', I.E. *Moya zhizn': Avtomonografiya. Etyudy o khudozhnikakh* [My Life: An Autobiography. Sketches about Artists]. Moscow: Respublika, 2001. 504 p.
57. Korovin, K. *Konstantin Korovin vspominaet* [Konstantin Korovin recalls]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1990. 608 p.
58. Molodyakov, V. *Moy Bryusov: Publikatsii. Stat'i. Sobranie* [My Bryusov: Publications. Articles. Collection]. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2023. 352 p.
59. Muratov, P.P. *Russkaya zhivopis' do serediny XVII veka. Istoryya otkrytiya i issledovaniya* [Russian Painting before the Mid-17th Century]. Saint-Petersburg: БІВЛІОПІДІС, 2008. 429 p.
60. Nikol'skiy, B.V. *Dnevnik: v 2 t. 1896–1918, t. 1 1896–1903* [Diary in 2 vols. 1896–1918, vol. 1 1896–1903]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2015. 704 p.
61. Pertsov P.P. *Literaturnye vospominaniya. 1890–1902* [Literary memoirs. 1890–1902]. Moscow: NLO, 2002. 496 p.
62. Shherbatov, S. *Khudozhnik v ushedshey Rossii* [An artist in a Bygone Russia]. Moscow: XXI vek – Soglasie, 2000. 464 p.
63. Tolstaya, S.A. *Dnevnikи: v 2 t., t. 2: 1901–1910. Ezhegodniki* [The diaries in 2 vols., vol. 2: 1901–1910. Diaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978. 671 p.